

Андрей Рима́йский

A close-up portrait of a man with short dark hair and light blue eyes. The top half of his head is transparent, revealing a futuristic cityscape with tall, dark skyscrapers against a bright blue sky. The background behind him is a glowing, golden-yellow circular light. At the bottom, there is a stylized cityscape with lit-up buildings.

**ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ
ИДЕАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА**

Андрей Римайский

Один день из жизни идеального общества

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69371227
SelfPub; 2023*

Аннотация

В мире будущего ChatGPT достиг своего развития, став мощной интеллектуальной системой, вживляемой через чип, непосредственно в мозг каждого человека при рождении. Идеальное общество удалось построить! Но вот Вильяму не так повезло: синапсы его головного мозга отвергли контакт с чипом. Вильям оказался интеллектуальным калекой. Этот день в жизни он запомнит надолго. Ведь этот день может быть последним.

Андрей Римайский

Один день из жизни идеального общества

Он был изгоем, уродом. Общество его не приняло. Сегодня у него был последний день, когда действовало выданное разрешение на прогулку по Городу Счастья. Он хотел в полной мере насладиться всеми благами цивилизованного мира. Ведь там, куда его отправят, не будет ни одного нормального человека! Какой ужасный жребий! Какой несправедливый мир! Какая тяжкая ноша! Но почему? Почему такая участь выпала на его долю? В чем провинился лично он? Или его родители? Но нет же. Родители были вполне обычными гражданами СоберСити – таковое было официальное название города, в котором он родился и жил.

Но, конечно же, как и всякий местный, он с детства не называл его никак иначе, а только как Город Счастья или же 0E2C1C0E2E2E0E2F19...

Право на изменение и редактирование любого названия целиком и полностью принадлежало каждому гражданину общества от рождения. И это было любимой работой для многих. Какое наслаждение испытываешь, когда твоя родная улица, твой знакомый бар меняют название на то, какое ты сам придумал! Пусть хотя бы на день. Хотя бы на час! Вир-

туальные очереди на изменения названия всегда были полны заявок.

Вильям тоже нередко пользовался этим правом. Но, в отличие от сверстников, он говорил словами. Его утомляло произносить, как все, название в шестнадцатеричном коде, поэтому на него косились как знакомые, так и незнакомые. Впрочем, последние чаще сообщали куда следует о его сбое. Именно обилие записей и привело его к текущей жизненной точке.

– Что ж, – сказал он самому себе, что также говорило о его нездоровье, – насладимся в последний раз поднебесным миром. Одному Интеллекту известно, что меня ждет там, внизу, на земле!

«Там дикие, страшные племена, не знающие жизни», – часто говорила его матушка, видимо, желая внушить спасительные мысли. Но куда там! Вильям был обречен с самого рождения! Об этом молодым родителям его сообщили сразу, как только он появился на свет. Синапсы его головного мозга отвергли контакт с вживленным чипом, не реагируя ни на один протокол подключения. Так он с детства и остался калекой, уродом, в голове у которого остался всего только бесполезный органокерамический кусок нанотехнологии.

«Такое редко, но бывает, – разводили руками лучшие нейроспециалисты. – Один случай на миллион... Есть надежда, что при достижении семилетнего возраста мальчик с обновлением программы получит соединение».

Но ни тогда, когда ему исполнилось семь лет, ни тогда, когда шестнадцать, не произошло желаемого. Оба крупные программные обновления, прошивающие человека всеми известными теоретическими знаниями и положениями, провалились при коннекте с чипом. Самые крупные программисты разводили руками: соединение шло, чип, питавшийся электрическими импульсами мозга, функционировал стабильно, без сбоев, как показывали отчеты ИИ-систем, но сам сигнал будто поглощался какой-то черной дырой в голове сперва мальчика, а затем и юноши. Вот так Вильям и вырос интеллектуальным калекой. Школ давно уже не существовало, и все предметы загружались вместе со взрослением человека и вовлечением в задачи общества. И в то время как его сверстники тратили на получение знаний от силы полчаса времени в день (а у кого были шкафы сверхбыстрого безлимитного нейроподключения – те и вовсе несколько минут), Вильям корпел над справочниками, распечатанными документациями, килотоннами бумаг по сотням предметов. Но все было, конечно же, без толку. Разве можно было постигнуть сотни тысяч открытий, статей, докладов, материалов, исторических хроник и мемуаров за досадно малое количество часов дня?

– Вильям-сонник, – смеялись ребята, встречая его по утру.

– А ты правда спал? – интересовалась Огнива, девочка из его районной ячейки.

– А мы за ночь прошли всю греческую драматургию, все поэмы Гесиода, Гомера, Анакреонта, – тараторили ребята. – Почитать тебе что-то?

Они заливисто смеялись, декламируя строфы элегических стихов и песен. Но Вильям шел дальше и не слышал их насмешек на древнегреческом. Он и свой-то родной язык еще не постиг до тех глубин, на которых раскрывалось все богатство словесности. Куда уж ему до древнегреческого? Он безнадежно отставал от сверстников с каждым днем, с каждым часом. Он это знал. И смирился. Только одна Огнива проявляла к нему неподдельный интерес.

– Да, – шептал он ей восторженно. – Представь себе: ты маленькая пушинка, невесомая, воздушная! И паришь над землей! Ветер тебя подхватывает и несет над домами с их пентабайтами данных, в которые погружены за окнами жители, над крышами с теплоприемниками энергии, над кристально чистыми зеркалами города. И вот ты видишь хмурые тучи, пылевые облака, миллионы росинок, носящихся в воздухе вместе с тобой, ласточек, стрижей, гоняющихся за мошкаркой...

– Ух! Это же не санитарно!

– Да! Зато как захватывающе!

– И это тебе снится каждую ночь?

– Ну, не каждую. Но частенько, – уверял он ее.

– Ух, – удивлялась девочка. – Мне это сложно представить. Каково это? Закрывать глаза и заснуть? И ты не осозна-

ешь себя? Теряешь свою развитую индивидуальность? Становишься неведомо кем? Пылинкой? Перекати-полем? Личностями в местностях, не согласованных с центральным ИИ? Как же это дико, наверное? И вообще-то чуть ли не преступно?

Последние слова она произносила шепотом. Но видно было, что в детских глазах, уже погруженных в небывалые по размерам схемы, планы, изложения, еще теплилась искра восторга перед неведомым. Перед чем-то таким, что неподвластно строго выверенному и логически обоснованному.

– А ты попробуй! – уговаривал Вильям.

Но девочка только мило смеялась.

– После семи лет я уж и не помню, чтобы ночью со мной случалась такая трата драгоценного времени. Ты же знаешь...

– «Не тратьте ни вашего, ни моего времени...» Да, да, этот слоган мне родители регулярно доносят. Они и общаются между собой только в строго выделенные минуты для поддержания речевого аппарата. И рассказывают друг другу недавно добытые углубленные техноканалы. Саморазвиваются. Эта идея в мышлении «людей-рационалиус» стала главенствующей. К чему еще общение, если не для увеличения материальных благ? Я обычно иду гулять и пинаю камешки по улицам в это время. Мне тогда становится невероятно скучно и тоскливо почему-то.

Вспоминая те детские годы и разговоры, Вильям и сейчас

пнул камешек, каким-то чудом не убранный муниципальными роботами с краешка тротуара.

– Что ж. Не все еще, значит, идеально, – усмехнулся он. – А все-таки интересно, как сложилась судьба Огнивы?

Он запомнил последний ее рассказ. Она была одета в простое зеленое платье, предельно приспособленное и лишенное всех изысков, единой материей покрывающее все ее женские черты. Огнива делилась впечатлением от последнего инфопогружения.

– Сколько в веках прошедших тратилось времени на соблюдение этикета, нарядов, украшений, порядков! Я вот за минуту прожила жизнь вместе с Людовиком Баварским, «сказочным» королем, как его звали. К чему все их выдержанные жесты, позы, манеры? Самое полезное, что он делал, так это материальная поддержка Рихарда Вагнера и его творчества. А все прочие издержки XIX века, как то галантность, приемы, балы, огромное количество платьев – остались в «неэффективном времени». Впрочем, это же касается и истории XX и начала XXI веков. Хорошо, что у нас этого теперь нет.

– Да. Мы живем эффективно, – смеялся Вильям. – С утра порция органно-витаминной похлебки – и целый день тело можно не кушать. Заряд энергии держится до следующего утра.

– Конечно! – невозмутимо отзывалась Огнива. – И что люди делали во время своих обедов, ужинов? Собирались за

семейным столом и тратили время на пустые разговоры?

– Да уж! Удивительно, – задумчиво улыбался интеллектуальный калека. Ему, впрочем, почти всегда приходилось задумываться, так как не было прямых поступлений сигналов с проверенными реакциями и отношениями ко всем известным событиям и процессам развития общества.

– Не то слово! Неэффективно!

В один прекрасный день ее родителям пришло предупреждение от распределительной программы их района, что девочка затрачивает ценное время-ресурсы на бессмысленные разговоры. И меры вскоре последовали. Больше Вильям не видел Огниву.

Ему пришлось взрослеть почти в одиночестве, проводя время за чтением любимых сочинений поэтов – Гете, Шиллера, Пушкина, писателей прошлого. Книги еще не все утилизировали за ненужностью, и Вильям проявлял чудеса находчивости в поисках новых томов. И всякий раз для него это было огромное потрясение, дававшее пищу на долгие недели. Его сверстники же быстро поглощали электронные сборники библиотек всего мира чуть ли не за считанные дни. Единственное, что система распределяла это по времени, по годам взросления. Но процесс не отличался: сигнал в головной чип и происходила загрузка информации в долгосрочную память клиента. Объем памяти динамически увеличивался в соответствии с программно определенным графиком, и человек на всю жизнь запоминал все постранично.

И благодаря управляющему чипу мог обратиться в глубины памяти так же, как в древние времена люди обращались в интернет-сети за поиском нужного материала. Только теперь все хранилось в «синтезированном цифровом динамическом хранилище» – в собственной памяти. В нее же каждый мог вносить свои пометки, редакции, заниматься систематизацией. Собственно, большую часть времени человек, вступая во взрослую жизнь, тратил на это. Каждый становился «хранителем человечества», в то время как системы ИИ занимались прочими областями жизни.

Вильям вышел со станции аэровокзала и спустился в Досуговой Район. Он хотел в полной мере насладиться минутами отдыха. Ведь неизвестно, что его теперь ждет в новом мире после отправки, сколько бед и труда? Впрочем, самому насладиться «пунктами досуга» было невозможно чисто технически. Он не проходил контрольные цифровые отметки у входов. Датчики регистрировали отсутствие у него должного оснащения как цифрового, так и физического, и два бездушных металлических истукана на контроле тут же преграждали путь. Поэтому он любовался только на отдалении, за прозрачной завесой боксов.

Прямо сейчас проходил захватывающий матч по настольному теннису между двумя известными на всю страну спортсменами. Вильям прильнул к прозрачному пластику. Зрители на трибунах шумели, ликовали. На цифровом табло шла 59 минута из отпущенного часа, а за теннисным сто-

лом кипели привычные страсти. Поединок был на самом пике, в самой высокой, кульминационной точке! Восторгались, естественно, те посетители, которые были здесь впервые. Тут было и много детворы, и много молодежи, которая кричала и параллельно с этим будто бы проводила логарифмические исчисления: руки их заранее, за секунды до отражения мяча ракеткой теннисиста, указывали ту точку, куда пойдет мяч. Глаза же при этом были совсем в другом месте. Кто изучал расстановку соперников, занимаемые позиции, кто отмечал, какие нагрузки испытывает полотно стола в точках соприкосновения с прилетающим мячиком, кто мысленно чертил углы отражения. Вильям же неизменно любовался искусно выполненными топ-спинами, мастерскими подрезками из-под стола, когда мячик, взвинченный до предельных оборотов, выныривал, как залихватский пловец брасом, из самой низины, из глубины, где, казалось бы, уже все: теннисист обречен потерять очко в сете, – но нет, каким-то чудом мячик получал новую жизнь, пролетал над самой сеткой в миллиметре, а то и того меньше, касаясь разве что собственным статическим полем, и опускался на половину стола соперника. Тот же играл в атакующем стиле и дожидался, когда мяч после отскока пойдет от наивысшей точки отскока к падению, и ракеткой, отведенной далеко назад, за корпус, четко выверенным движением совершал мощный топ-спин. Мяч рассекал воздух по немислимой дуге, меняя траекторию, заваливаясь вбок, грозя уйти далеко за боковые пределы пло-

щадки. Но там его уже подждал соперник, предпочитающий защиту. И вновь – подрезка от себя, немислимая, изумрудная...

Вильям следил глазами за полетом мяча. Он раз за разом неизменно приходил сюда по пятницам. И ему не надоедало любоваться красотой. Зрители же в следующий раз будут другие. Он это знал. Они сделали выводы, провели необходимую работу, замеры. Их здесь больше ничто не держало.

Прозвучал сигнал об окончании матча. Конечно же. Как и всегда, он завершился вничью, всухую, 0:0. Да и могло ли быть иначе? Здесь соревновались лучшие спортсмены, заряженные максимальными протезированными частями в теле: в ногах, коленях, суставах рук. Лучшие программы по настольному теннису с миллионами сыгранных партий и гигабайтами цифровых данных были загружены в их чипы по полным лицензиям международного спортивного комитета.

– Что ж, – вновь произнес свою любимую фразу Вильям. – Будь у меня коннект с миром и разрешено выделение средств на такие соревновательные процедуры, уже через неделю и я бы выступал так же точно, как и они. Ни в чем не уступая лучшему из лучших. Ведь тело мое, как и мой мозг, были бы оснащены теми же инструкциями, теми же установками, теми же командами.

Реальные тренеры давно сгинули в прошлое за ненужностью. Теперь системы искусственного интеллекта заправляли всеми областями. Наследники некогда архаичного

chatGPT, они выросли до планетарных масштабов, проникнув в каждую отрасль естествознания. И заменили людей во всех секторах. Такие мероприятия же проводились, поскольку давали материал для изучения возможностей человеческого тела, синтезированного с цифровыми системами.

Вильям пошел к следующему отгороженному боксу. Здесь проводился крупный шахматный турнир. Играли все двадцать чемпионов мира. Шахматы не очень интересовали Вильяма, но он иногда заглядывался на шахматные столики. Ему нравились резные фигурки шахматных гвардий. В его воображении оживали солдаты времен Вальтера Скотта, двигавшиеся строгой шеренгой. А кони, как дикие горцы, прыгали по доске, смахивая фигуру за фигурой. Слоны разрезали линии по белым и черным клеткам, а ферзи огибали фланги и заходили в тыл. Но короли всегда оставались в сохранности. Вот и теперь Вильям видел, как очередная партия завершилась ничьей: на доске не осталось никаких фигур, кроме королей. Строго проведенные цифровыми движками расчеты выдавали лучшие ходы в головах соперников, а играющим только и требовалось, что руками передвигать фигуры на выбранные позиции. Маневры, размены, рокировки – все совершалось с непогрешимой точностью, без малейших ошибок. Другая партия завершилась ничьей, когда на доске оставались еще почти все фигуры. Партия зашла в так называемый «предсказуемый исход». И дальше играть просто не было смысла. Каждый видел, что любые движения и

угрозы приводят ни к чему иному, как к ничье.

– Что ж, – отметил Вильям. – Предсказуемо, как и всегда. Будет десять ничейных партий. И все останутся чемпионами.

Уже давно все участники, получавшие полную шахматную лицензию в чип, становились чемпионами мира. Поэтому новая лицензия выдавалась только тогда, когда кто-то из участников переходил в какую-то иную область человеческой деятельности. Иначе бы все население города было бы чемпионами мира по шахматам. Достаточно загрузить программу и прийти на ближайшую партию.

Вильям сел на скоростной поезд, который привез его в футбольную зону. Огромный стадион всегда поражал его воображение. В юности он напоминал гигантский Колизей. Амфитеатр, в котором сражались современные гладиаторы. Гладиаторы мяча и перчаток. Вот и сейчас стадион был заполнен. Шел центральный матч тура (конечно, как и любой из матчей). Двадцать два спортсмена, еще вчерашние пловцы, художники, фотографы, астрономы, биологи... да неизвестно кто еще! – получив программное обеспечение и соответствующие протезные импланты, модифицировавшие тело под футбольные нужды, соревновались между собой в тщетных попытках забить хоть один гол. Матч подходил к концу. На табло висели всегдашние нули. Букмекерские конторы давно остались в прошлом, так как результат был известен заранее. Конечно, те, кто были впервые на матче, еще

смотрели и анализировали происходящее на поле, но пришедшие во второй и в третий раз занимались своими семейными и личными делами. Кто-то, кто забыл принять завтрак, расположился на скамеечке, отвернувшись от поля, и обедал. Одним словом, шел самый обычный чемпионский матч. В турнирной таблице к концу сезона все двадцать команд получали свои заслуженные тридцать восемь очков. Ни у кого не было ни забитых, ни пропущенных голов. Футболисты на поле действовали так идеально, что идеальное нападение не могло пробить идеальную защиту. Удар шел неберущийся по всем компьютерным расчетам, но та же система заранее сообщала об этом команде защиты, и вратарь загодя оказывался в нужном углу, покидая свой пост даже если в точке с ним был мяч. Но футболисты играли не по мячу, а по посту-паемым в чип командам – импланты делали свое дело: ноги бежали в сторону расчета и били ровно там, где это требовалось.

Вильям вздохнул и покинул матч. Он все равно любил любоваться четко выверенными пасами с одного края поля на другой, скоростными прорывами нападающих, искусными подкатами защитников... Но время вышло! Наступал вечер пятницы, и его уже ожидали на платформе отправления.

– Что ж, не мне задерживать идеально рассчитанное общество, – вздохнул Вильям и сел в метро, нырнувшее в глубокую подземную шахту.

Когда метро через десять минут вынырнуло, он оказал-

ся на Последней площадке цивилизации. Здесь заканчивался обозримый Город, поглотивший всю несовершенную природу. Его состарившиеся родители уже стояли рядом с его небольшим багажом. Отец прочитал минутную лекцию о действиях в неизученной обстановке и привел теоремы о случайных числах. Вильям плохо слышал. Вернее, он слышал, но вся эта глубоко выверенная информация была слишком сложна для него. Он смотрел в глаза матери. Там, под поседевшими бровями, в глубинах, скрытых за ширмой правильного, он видел росинки далекого дождика, невозможного в здешнем мире безошибочно прогнозируемой погоды. Где-то за ее метеосводками, о которых она говорила, скрывалось то таинственное чувство, погребенное в цифровом мире, но которое нет-нет да и прорывалось в том или ином «хранителе человечества».

Вильям крепко обнял маму и уткнулся лицом в ее все еще пышные волосы. Он запоминал их запах, прикосновение, стук сердца, который не могло спрятать ни одно имплантированное устройство. Поговаривали, что системы ИИ готовят проекты, в котором бы сердца людей можно было бы заменить полностью на цифровой электрогенератор, связанный напрямую с головным чипом. И тогда бы все могли в полной мере насладиться бесконечно долгой и идеальной жизнью.

Но Вильям этого уже не увидит. Его усадили в небольшой челночный шаттл, загрузили багаж и необходимый провиант

на первое время и нажали кнопку запуска. В двигателях набирали обороты прогревочные системы. А молодой человек через иллюминатор видел уходившие фигуры родителей.

Они сделали все, что могли для своего несчастного сына. Теперь провидение и мир случайного позаботятся об его дальнейшем будущем. Какое оно будет там, откуда никто не возвращался? Никого это не интересовало. В мире идеального несовершенство выталкивается на обочину жизни.

Элемент случайного больше не потревожит строгие расчеты счастливого общества.